

—Пробыв в Калининграде неделю, мы вернулись в Ленинград и отправились оттуда в экспедицию. Там, на берегу Онежского озера, километрах в тридцати от Петрозаводска, на окраине деревни Суйсарь, расположенной напротив острова с тем же названием, мы и продолжили свой медовый месяц.

—Это была комплексная Онежская экспедиция Ленинградского университета и "Гидромета" - Ленинградского гидрометеорологического института. В неё входили геологи и геофизики, гидрогеологи, гидробиологи и гидрометеорологи, преимущественно будущие, то есть студенты старших курсов с тремя - четырьмя преподавателями. Студенты изучали рельеф, флору и фауну берегов Онежского озера, собирали камни. Геофизиков возглавлял, как и в прошлом году, Олег Михайлович Распопов, а геологов - его брат Игорь.

—Геофизическая часть программы экспедиции состояла в проведении наблюдений за короткопериодными колебаниями (КПК) магнитного поля Земли с помощью установленных в ямах кварцевых магнитометров, чем мы занимались и в прошлогоднюю экспедицию. Располагались геофизики в трёх палатках. В самой большой стоял регистратор - светонепроницаемый железный ящик, в котором зайчики от зеркал гальванометров вычерчивали кривые КПК на фотобумаге. В другой жил Юра Копытенко, дипломник с шестого курса, не очень общительный, но добрый парень. А третью занимали мы с Сашенькой, подручные и подчинённые Юры. Олег Михайлович появлялся изредка и ставил свою палатку.

—Все остальные поселились по соседству в пустовавшем свинарнике, кое-как приспособленном под жильё казарменного типа, получившее название "тырло". На малюсеньком чердачке над предбанником "тырла" мы с Юрой оборудовали проявочную для рулонов регистрационной фотобумаги, лазали туда по приставной лестнице и на короточках проявляли бумагу при красном свете, добиваясь равномерного проявления всей ленты, тут же её промывая и фиксируя. К "тырлу" был пристроен навес, под которым расположились кухня и столовая, где кормились те, кто не был в отъезде на экспедиционных катерах по озеру.

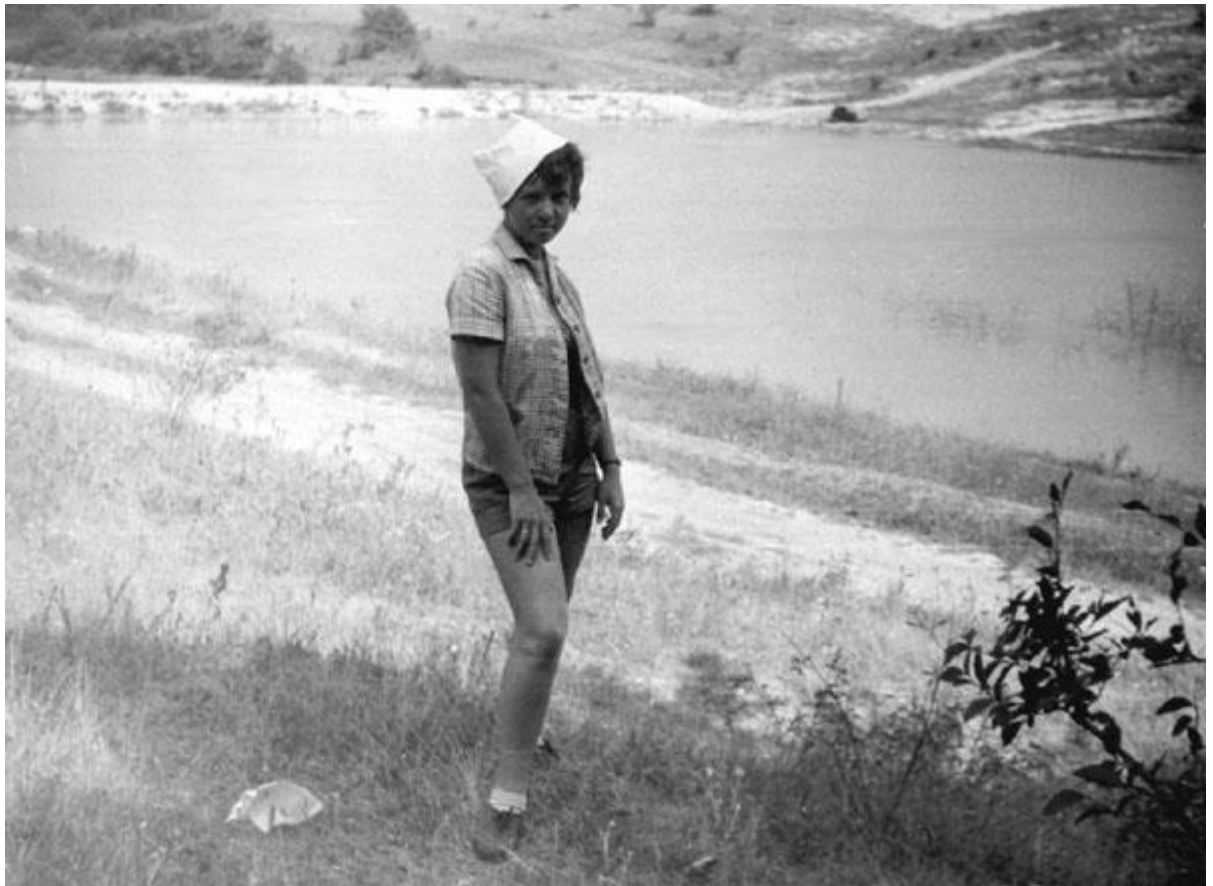
—До берега Онежского озера от "тырла" и палаток было метров двести и столько же до леса в противоположную сторону.

—Был июль месяц 1964 года.

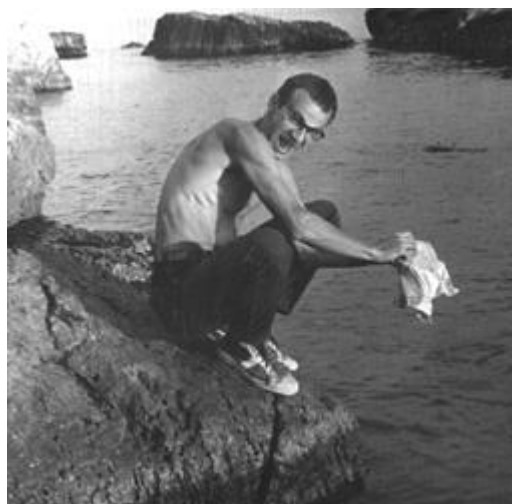
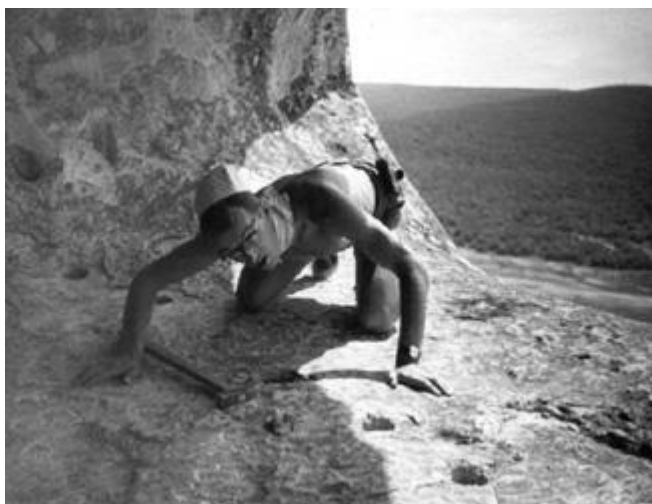
Жизнь на окраине Суйсари лишь отчасти напоминала нашу прошлогоднюю экспедиционную жизнь. Не было переездов, устройств и переустройств лагеря, а главное, компания была уже не та и споры не те. Публика была весёлая, но неинтересная, слишком уж легкомысленная какая-то. Мы с Сашенькой были теперь муж с женой, жили вместе и счастливы были, как полагается молодожёнам.

Чтобы посмотреть Кижы, мы специально ездили с ночёвкой в Петрозаводск, но там опоздали на теплоход. Я до сих пор уверен, что из-за Сашеньки. Тогда я впервые "пилил" её за привычку не спешить до последней минуты, от которой она так и не избавилась. На мой взгляд это был второй её недостаток после "благовоспитанности", под которой я понимал и политическую благонамеренность, и идеалистические или романтизированные взгляды на многие вещи, и неприятие даже относительно грубых выражений (слово "баба" она считала оскорбительным для любой женщины) и прочее, тому подобное.

Сашенька недолго оставалась со мной в Суйсари. Мы теперь были на разных курсах, её ждала геологическая практика, сначала в Крыму, в Трудолюбовке, потом в Саблино, под Ленинградом, - традиционных местах практики студентов нашей кафедры.

Сашенька в окрестностях Трудолюбовки на геологической практике в Крыму

Володя Кошелевский на геологической практике в Крыму

Сашенька на берегу Голубого залива

Аля Дубова, Ира Лялина, Мишка Родионов, Сашенька и Павел Оберц на практике в Крыму

Сашенька, Мишка, Люся Порохова, Аля и Павел Оберц на практике в Крыму

Аля Дубова, Мишка Родионов, Павел Оберц и Володька Кошелевский у входа в здание Панорамы обороны Севастополя

— Некоторое время мы оставались вдвоём с Юрой, потом появился Миша Назаренко, студент физфака, окончивший третий курс, довольно скучный краснощёкий юноша.

— Я в очередной раз решил бросить курить. Терпел два дня, до этого постольку не удавалось, и считал, что подвиг уже совершён, но произошла такая оказия. Распопов

впервые оставил нас с Мишей вдвоём одних, меня - за старшего. Юра куда-то уехал. Сам Распопов с женой отправился посмотреть наскальные рисунки первобытных людей за Онежское озеро, а мы с Мишей решили сходить в лес за грибами, как раз вовсю пошли подберёзовики и красные. Вернулись часа через два и обнаружили, что регистратор стоит: остановился моторчик, вращающий барабан с фотобумагой. Я попытался его починить, но выявилась моя полная беспомощность в таком деле. Меня охватило отчаяние. Надо же - два часа моей самостоятельности как работника, и наблюдения остановились!

— Я поплёлся в "тырло", стрельнул сигарету, прикурил дрожащими руками, выкурил одну, другую... К счастью, выяснилось, что Распопов в Петрозаводске и ещё не уехал. Я как-то сумел его перехватить на пристани, привёз ему моторчик. Распопов сказал, что моторчик нужно выбросить, и что он купит новый. По его реакции я понял, что трагедии не произошло, моторчик просто сгорел от скачка напряжения, и я успокоился, но курить больше даже не пытался бросать вплоть до начала 1980 года, т.е. почти 16 лет.

— Скачки напряжения (мы питались от местной электросети с подстраховкой от элементарного бензинового движка) продолжались и дальше, и как-то раз поутру мы обнаружили, что ночью полностью сгорел выпрямитель. Железная коробка килограммов на 20 весом развалилась, и внутри был преимущественно пепел, я и не представлял себе до сих пор, как может выглядеть по-настоящему сгоревший прибор. Как ни странно, обошлось без пожара.

— На Онежском озере я ловил окуней с лодки, клевала в основном мелочь, но брала с ходу, не давая опуститься крючку, наживлённому по большей части просто кусочком внутренностей, выданных из нутра предыдущей жертвы своей жадности. Изредка попадались и неплохие экземпляры, граммов по двести.

— Как-то на лодке ездили с одним парнем (прекрасно он пел за вёслами!) на безымянный каменистый остров километрах в десяти от Суйсари. Там я нашёл корягу с вросшим в неё плоским камнем с острыми краями - готовый каменный топор. Стелющаяся берёзка своим комлем накрепко обхватила камень, пронзивший её насквозь, - не могу представить, как это произошло. Я не поленился подобрать корягу и привезти этот нерукотворный топор в Ленинград. Он и до сих пор украшает нашу книжную секцию.

— Удалось мне всё-таки и в Кижы съездить на теплоходе. Подходили к острову поздно вечером, точнее ночью уже, но ночи были ещё белые, и Кижы предстали своим сказочным силуэтом на фоне бледного неба. Картина была плоской, никаких деталей, кроме резко вычерченных контуров, не было видно - это-то и создавало волшебное впечатление. Ночевали на дебаркадере. Утром осматривали остров и строения - всё, конечно, интересно, но с первым ночным впечатлением не сравнить.

— Видел я в Кижях двух рыбаков, возвращавшихся на лодке со спиннингами с рыбалки. На дне лодки ворочалось с десяток крупных щук. Я и сам с мостков видел одну, дремавшую у самого берега. Потом я рассказывал об этом Таньке Рассказчиковой и её мужу - Юрке Равичу, заядлым рыболовам, они поехали на несколько дней в Кижы специально за щуками, ничего не поймали и кляли меня, как злого обманщика.

— В Суйсари я впервые парился в настоящей деревенской бане, топившейся по-чёрному. Такие бани стояли обычно у самой воды. Я парился поздно вечером и голым выскакивал из бани прямо в озеро - блаженство неопишемое!

— Запомнилось, как однажды вечером я присел по нужде за кучей брёвен на бережку и вдруг, обернувшись (что-то меня заставило обернуться, шорох, наверное), я увидел два желто-зел(ных огонька, а потом разглядел и мордочку как у котёнка, но с большими ушами, с любопытством уставившуюся на меня. Куница?! Не подняв штанов, я кинулся ловить зверя, тот шмыгнул под брёвна, я их ворочал, выгнал беднягу на огород и пытался ловить его там, он почему-то не шибко убежал - короткими перебежками, но у меня путались штаны в ногах, я, наконец, споткнулся и упал... Так и не знаю, кто это был.

— В Суйсари я был до конца лета, уезжал одним из последних. Нас, немногих

оставшихся, обихаживала бабка Степанида, которая подвыпив, пела частушки:

_____ В чулок нассала,
_____ В другой начала,
_____ И стою, люблююся,
_____ Во что же я обуюся?

_____ Или:

_____ Ты куды меня повёл,
_____ Такою молодую?
_____ На ту сторону реки,
_____ Пошла, не разговаривай!

_____ и т.п.

_____ Запомнилось ещё, как мы с Мишей неделю целую питались только хлебом, жареным с солью на постном масле, и тёртой морковью, надёрганной с колхозного поля, с сахаром, а вот, когда у Степаниды столовались, то было молоко. В тот год хлеб в Петрозаводске продавали по карточкам, и выпечен этот хлеб чёрт знает из чего был.

_____ А то явилась как-то личность: юноша с красивыми глазами, студент-архитектор, приткнулся к нам в поисках впечатлений. Он за что-то хвалил абстракционизм, нас обвинял в серости и художественной невоспитанности, съездил через протоку на остров Суйсарь, где стояла заброшенная деревянная церквушка, и привёз оттуда продырявленный дробью холст с изображением распятого Христа. Так я и не понял, то ли он картину спас, то ли церковь ограбил. Вскоре он исчез.

_____ Помню очень низкорослого, мне по грудь, усатого крепыша-геолога, преподавателя нашего университета. Он брал меня с собой в короткие походы по берегам Онеги, интересно рассказывал о камнях, вообще производил приятное впечатление; однако, умудрился разбить себе голову в какой-то пьяной драке на деревне. Вот и все впечатления от Суйсари и Онеги.

([продолжение следует](#))